

Ю.В. Аргудяева

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СТАРООБРЯДЦЕВ (вторая половина XIX–начало XX вв.)*

Старообрядцы южной части Дальневосточного региона — Амурской и Приморской областей (Приамурья и Приморья) стали прибывать сюда в 60-е годы XIX в. Они представляли собой сложный региональный конгломерат, отразивший непростую историю многочисленных гонений и переселений этой ветви русского народа. Это были уроженцы и выходцы из южных, центральных, северных регионов европейской части России, Урала, Сибири, Алтая, Забайкалья (Самарской, Саратовской, Пермской, Уфимской, Енисейской, Иркутской, Забайкальской и других губерний и областей), а в XX в. — и из зарубежья (Австрии, Турции, Румынии, Китая, Японии)¹.

Старообрядцев привлекали, прежде всего, те условия жизнедеятельности, которыми располагал дальневосточный регион. С одной стороны — это хорошие условия хозяйствования: земельный простор, позволявший создать крепкое хозяйство, таежные и водные угодья, дававшие возможность добывать зверя, пушнину, дикоросы, рыбу; с другой — отсутствие в первые десятилетия воинской повинности, податей, опеки со стороны местных властей. Были и другие причины перемещения старообрядцев — поиски легендарного Беловодья, гонения за религиозные воззрения, малоземелье, сильное разрастание фамильных однородовых коллективов, нарушение баланса укладов (в сторону от консервативного к буржуазному) и др. Но главное — религиозная свобода. Переселяясь на Дальний Восток, старообрядцы стремились найти такие глухие места, где бы можно было меньше сталкиваться с местными чиновниками, священниками и «мирскими» и обрести религиозную свободу².

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН, код проекта 09-1-П25-01 и японского проекта «Grant-in-Aid for Scientific Research», код проекта (21251013) (А).

Первыми в Приамурье переселились старообрядцы-беглопоповцы, прибывшие из Забайкалья (так называемые «семейские»)³. За ними начали прибывать другие группы старообрядцев — поповцы из Поволжья и разные толки беспоповцев — из Забайкалья, Томской, Енисейской, Пермской губерний. Во многом способствовала колонизации таежных мест Приамурья, а затем и Приморья и внутренняя (в пределах Дальнего Востока) миграция старообрядцев, что обусловило переселение части амурских староверов на север Амурской и в Приморскую область, в том числе в Южно-Уссурийский край (Приморье).

Первые старообрядцы прибыли в Приморье в 1865 г. из Самарской губернии, поселившись около оз. Ханка. В конце 1860-х гг. их ряды пополнили так называемые старообрядцы — «семейские», уроженцы Забайкальской области, жившие некоторое время в районе Охотского побережья, вблизи порта Аян, куда они попали в 40-е гг. XIX в. Вскоре большинство из них по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири перебрались в Южно-Уссурийский край, где поселились около оз. Ханка, на берегу р. Суйфун и вблизи морского побережья недалеко от Владивостока⁴. Впоследствии по мере роста в крае населения и подселения переселенцев в старообрядческие деревни они уходили в самые глухие таежные районы — бассейны реки Усури и рек, впадающих в Японское море. Туда же стали подселяться представители других региональных групп старообрядцев из Енисейской, Пермской, Самарской, Саратовской, Тобольской, Уфимской и других губерний, с Алтая и Амурской области, прибывшие в Приморье в конце XIX–начале XX в.

Этнический состав старообрядцев юга Дальнего Востока России, включавших русских Поволжья, Урала, Сибири, Алтая, Забайкалья и имевших северо- и южнорусские и отчасти украинские и белорусские корни, в середине XIX–30-х гг. XX в. еще более усложнился. Территориальные, соседские, брачные контакты между представителями разных региональных групп восточных славян, в том числе старообрядцев, а также с аборигенными народами, способствовали, наряду с сохранением некоторых черт традиционной русской культуры, выработке определенных элементов быта, характерных для дальневосточного

региона. Все это отразилось на адаптации и экономической деятельности крестьянских старообрядческих хозяйств.

Власти дальневосточного региона были заинтересованы в заселении края крестьянством, так как оно способствовало быстрому хозяйственному освоению Приамурья и Приморья, создавало стабильное население в крае, на который имели виды как приграничные, так и заморские страны.

Царское правительство рядом правил и законов предоставляло крестьянам, переселившимся на Дальний Восток, значительные льготы, особые права в пользовании землей. Так, на основе «Правил» от 26 марта 1861 г. о переселении в Приамурский край крестьяне могли получить свободные участки казенной земли во временное пользование (до 100 дес. на семью) или выкупить их в полную собственность по цене 3 р. за десятину. Эти крестьяне получили название «стодесятинников» или «старожилов». Были предоставлены и другие значительные льготы: все переселившиеся на Дальний Восток за собственный счет освобождались от рекрутской повинности в течение 10 наборов, навсегда — от уплаты подушной подати и лишь по истечении двадцатилетнего срока (со дня издания указа) должны были уплачивать поземельный налог⁵. С небольшими изменениями указанные правила сохранялись до 22 июня 1900 г., когда был принят закон об образовании переселенческих участков в Амурской и Приморской областях⁶, на основании которого крестьян мужского пола, прибывших в дальневосточный регион после 1 января 1901 г., обеспечивали 15-десятинным наделом земли. Этих крестьян стали называть «новоселами».

Особенность развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке состояла в том, что здесь не было помещичьего землевладения; значительные наделы земли были отведены царской семье, монастырям и церквам в частное владение. Считалось, что крестьяне пользовались землей на временных основаниях, законным собственником земли было государство. Однако крестьяне-старожилы, в том числе старообрядцы, повсеместно пользовались государственной землей, как своей собственностью, нередко сдавая ее в аренду.

Господствующей формой землепользования была общинная, имевшая свои особенности в условиях Дальнего Востока. Так, в

нераздельном пользовании общества находились лесные участки, выгоны для выпаса скота. Но пахотных земель и сенокосных угодий, каждый захватывал столько, сколько мог, используя право первого захвата. Разработанная земля формально считалась собственностью крестьянина⁷. Усадьба (дом, хозяйственные постройки, огород) находилась в подворно-наследственном владении отдельной семьи⁸.

Старообрядцы, интенсивно заселявшие Приамурье и Приморье с середины XIX в., прошли разные этапы и темпы своей адаптации к условиям жизни в дальневосточном регионе. Совершенно иные, чем на родине, социально-экономические, демографические и экологические условия жизнеобеспечения, заставили основную массу крестьян приспособливать свои этнические и хозяйственные стереотипы, традиции и психологию, свой аграрный календарь к местным природным условиям, в иных случаях расширять сферу хозяйственной деятельности или даже менять ее.

Особенно трудно шло приспособление к местным природно-климатическим условиям. Южная часть Дальнего Востока — это обширная территория, включающая и приамурские, и приханкайские степи, и горные хребты, и бескрайние таежные просторы с довольно своеобразным климатом. Ясные, холодные, малоснежные зимы, большие перепады зимних и летних температур в континентальной части региона; жаркое лето с обильными и продолжительными (иногда до 45 дней) дождями, вызывающими паводки и разрушительные наводнения в июле и августе; ясная, довольно сухая и теплая осень, ветреная и влажная весна — вот что встретили старообрядцы-переселенцы в Амурской и Приморской областях. Традиционные установки на аналогичные с родными местами природные условия долго преобладали в памяти и сознании крестьян при хозяйственном освоении дальневосточного региона. Их представления о равнинах Приамурья и Приханкайской низменности Южно-Уссурийского края как о черноземных степях не подтвердились. Однако старообрядцы, как и представители другой религиозной группы — молокане, пожалуй, лучше и быстрее остальных крестьян приспособились к новым условиям жизни и сыграли существенную роль в хозяйственном освоении Приамурья и Приморья,

становлении крестьянской земледельческой культуры. Несмотря на замкнутость, они отличались сильным духом, трезвостью, трудолюбием. У амурских старообрядцев была слава прекрасных земледельцев. Они обеспечивали хлебом не только себя, но и частично продавали его в Благовещенске прибывшим на Амур переселенцам, поставляли по контрактам казенным ведомствам. По использованию технических новшеств в хозяйстве старообрядцы стояли на втором месте после молокан. В то же время, если сектанты-молокане освоили только степную зону Приамурья, то старообрядцы пошли гораздо дальше — в таежные районы Дальнего Востока.

Хозяйство крестьян-старообрядцев, как и других крестьянских хозяйств, было натуральным, базировавшимся, в основном, на производстве своей продукции. Основной сферой хозяйственной деятельности большинства крестьян-старообрядцев дальневосточного региона, как и других русских, в середине XIX–первой четверти XX в. было земледелие и связанное с ним тягло-молочное скотоводство. Беспашенных дворов было мало. Другое дело — превалирование той или иной направленности домохозяйства. В степных или лесостепных районах — это было земледелие и скотоводство. В тайге и горных массивах основной доход приносили охота, рыболовство и другие таежные промыслы. Пашни здесь из-за трудности раскорчевки и особенностей климата были небольшими и не всегда могли обеспечить даже внутренние потребности семьи. В таких случаях хлеб покупался или выменивался на таежную продукцию.

Природно-климатические условия дальневосточного региона определяли возможности воспроизводства традиционных хозяйственных навыков. При стремлении крестьян к полной трансформации традиций и их воспроизводства в новых местах обитания это не всегда удавалось. Их адаптация во многом была обусловлена региональным происхождением, степенью использования опыта местных коренных народов, успешностью взаимодействия с природной средой.

Старообрядцы, выходцы с русского Севера, Верхнего Поволжья, Урала, легче приспособивались в лесной зоне дальневосточного региона. Здесь они с наибольшей полнотой могли реализовать традиции родных мест, как в области земледелия, так и

таежных промыслов. Выходцы из средне- и южнорусских губерний стремились поселиться в лесостепи. Таких земель на Дальнем Востоке за исключением юга Амурской области и Приханкайской низменности Южно-Уссурийского края, было немного. Однако, поселяясь в самых глухих, никем еще не освоенных местах, старообрядцы полностью не оставили свое традиционное занятие — хлебопашество, нередко с большими трудностями старались распахать хоть немного десятин под хлеб, получая основной доход от продажи продукции охотничьего промысла⁹.

Степень развития земледелия в разных районах Приморья зависела от природно-климатических условий. Хребет Сихотэ-Алинь делит центральную и северную части Южно-Уссурийского края на два резко отличающихся района с морским и континентальным климатом. Поэтому старообрядцам, перебравшимся в основанную ими на побережье Японского моря деревню Амагу из континентальной части края, пришлось менять свой аграрный календарь. Там они, по свидетельству известного путешественника В.К. Арсеньева, «...хлеба сеют в конце мая, тогда как у оз. Ханка и в области Анучина (континентальная часть Южно-Уссурийского края. — Ю. А.), посев производится в конце марта или в самом начале апреля. Хлеба жнут в Амагу в самом конце сентября и даже в начале октября... около Ханки к концу июля или в самом начале августа...»¹⁰. В Амагу на три-четыре недели позже цвели черемуха и липа, созревали травы. Поэтому и покосы здесь начинались в августе, а не в июне, как на юге Южно-Уссурийского края.

Изобилие плодородной земли и возможность сбыта хлеба способствовали увеличению пашен и вовлечению в хозяйственный оборот новых земель. Очень широко в связи с этим практиковалось заимочное хозяйство. На заимке проживали сезонно, пока выполнялись сельскохозяйственные работы¹¹. На Дальнем Востоке заимки выступали и как форма землепользования, и как малодворное поселение, и как форма земледельческой колонизации. Они были, и в немалом количестве, как в Амурской области, так и в Южно-Уссурийском крае Приморской области¹². Многие заимки и хутора превратились в образцовые домохозяйства.

Безусловно, не все так гладко шло в процессе освоения новых районов, в развитии здесь землепашества. На приспособля-

емости к новой жизни на Дальнем Востоке сказались конфессиональные установки, сложившиеся стереотипы мышления, этнопсихология, традиции русских, их способность воспринять рациональные методы хозяйствования других народов. Взять, к примеру, грибковые заболевания на хлебных злаках, развивавшиеся из-за высокой влажности. В результате получался так называемый «пьяный хлеб», который при употреблении вызывал тошноту и рвоту. Однако такой хлеб в Южно-Уссурийском крае выращивали восточнославянские крестьяне. Жившие здесь китайцы, благодаря использованию грядкового способа посева зерновых, полностью избавлялись от «пьяного хлеба». Что касается крестьян, то убедить их в превосходстве этого способа практически не удалось. Старообрядцы хвалили грядковую культуру китайцев, но сами ее не хотели перенимать. Сравнивая свою и китайскую психологию, староверы говорили: «...китаец он весь на пашне, и умирает на пашне; то он ее полет, то пропахивает, то мотыжит, а нам этого нельзя, особливо ежели который одинокий: и без того не поспеваем с сеном убраться, так, где уж тут по-ихнему землю работать»¹³.

Там, где позволяли природные условия, сеяли зерновые и занимались в основном земледелием, хотя у большинства староверов было комплексное хозяйство. В Амурской области приоритет был отдан зерновому хозяйству¹⁴. Здесь в старообрядческих населенных пунктах в конце XIX в. на одну душу мужского пола приходилась 21 дес. пахотной земли; хлеба собиралось на одну душу обоего пола 29 пуд., на один двор приходилось более четырех рабочих лошадей и более трех голов крупного рогатого скота¹⁵. Среди этих домохозяев значительное распространение получили заграничные плуги, веялки, жнейки и молотилки. Во всех деревнях имелись конные мельницы, а в некоторых и водяные¹⁶. Аналогичная картина наблюдалась и в Южно-Уссурийском крае¹⁷.

Основные земледельческие культуры, высеваемые старообрядцами — яровая пшеница, яровая рожь (ярица), овес, ячмень, гречиха и в небольших количествах просо, лен, конопля, картофель, мак, пайза (вид проса), подсолнечник, кукуруза, суза (масленичное растение), бахчевые культуры (арбузы, дыни). Особенность местного хозяйства — почти полное отсутствие озимых

хлебов. Причин тому несколько: малое количество снега при сильных морозах, обильные летние дожди, мешающие созреванию озимых и затрудняющие их уборку, совпадение времени уборки с сенокосной порой. И все же в бассейнах таежных рек в горных районах Сихотэ-Алиня озимые понемногу сеяли¹⁸.

В каждой местности время начала пахоты определяли либо путем проб и ошибок (те, кто не задерживался долго на одном месте), либо путем многолетнего опыта. При обилии земли поля, за редким исключением, не принято было удобрять. И все же некоторые, в частности выходцы с Урала, по всей вероятности по традиции, это делали¹⁹.

И в Амурской, и в Приморской области сохи при пахоте под зерновые практически не использовали, ими пользовались только при вспашке огорода — *огородины*. Землю под хлеба вспахивали железными, чаще одноотвальными плугами. Если своих лошадей не хватало, пахали вскладчину²⁰.

Сеять начинали, когда согревалась земля. Первым сеяли овес, потом пшеницу, гречу — в июне. Сеяли обычно руками, *вразброс*²¹, боронили деревянными боронами с железными зубьями, их сами ковали в кузне; борону делал каждый хозяин²².

В подготовке пашни и борьбе с сорняками проявлялись региональные особенности. Так, уроженцы Алтая для того, чтобы дикий овсюг пшеницу не давил, применяли многоразовую вспашку²³. Выходцы с Урала дважды не пахали, а если появлялись сорняки, то их верхушки просто скашивали косой. За чистотой поля следили, учитывали общественное мнение: «Если зарастет, скажут — не хозяин»²⁴.

Старообрядцы Южно-Уссурийского края на корм скоту сеяли *пайзу* (вид проса. — Ю. А.), скармливая ее ранней весной, когда трава еще хорошо не поднялась²⁵. Сеяли также *жито*, которое смешивали с гречей и скармливали лошадям. Проса сеяли немного²⁶.

Созревшие злаки убирали по мере их вызревания, по очереди: рожь, овес, ячмень, пшеницу, гречку²⁷. В конце XIX–начале XX в. уборка хлебов производилась по большей части серпом, но встречалась и косьба. Зажиточные пользовались жатвенными машинами и сноповязалками. Крестьяне среднего достатка объединялись с родственниками или соседями и использовали сельскохозяйственные машины по очереди²⁸. В способах уборки

хлебов длительное время сохранялись региональные традиции. Переселенцы из северной России складывали сжатый хлеб в *крестцы* по 13 снопов, а сибиряки — в суслоны по 10 из сухого хлеба и по 6–8 (*шестеряки*) — из сыроватого²⁹.

Снопы свозились на ток и складывались там, в *зароды*, или *клады*. Для тока выбирали ровное место, очищали его от травы, утаптывали и с появлением постоянных морозов заливали несколько раз водой, чтобы образовался лед определенной толщины. Иногда ток устраивали на льду озера или реки. Хлеб молотили обычно цепями — *молотилом*, некоторые — лошадьми, как казаки. В этом случае на току расстилали снопы и гоняли по ним, одну за другой 5–8 лошадей. Иные крестьяне молотили китайскими каменными катками (каток запрягали в одну лошадь и пускали по разостланному в круг хлебу). Постепенно начали приобретать молотилки. Если молотилка была на несколько хозяйств, молотили по очереди³⁰.

Зерно мололи на мельницах. Во многих деревнях и селах были водяные и конные мельницы. Нередко мельницу строили сообща несколько семей³¹.

Там, где позволял климат, разводили бахчи. И в Приамурье, и Приморье вызревали дыни и арбузы³². Целые поля засаживали горохом. Его любили употреблять, особенно в пост³³.

Из технических культур на поле сеяли коноплю, лен, подсолнух, сузу, иногда мак, из которых изготавливали масло. Подсолнуха сеяли в зависимости от числа едоков в семье, чтобы изготовить на маслобойке примерно 2 пуда подсолнечного масла³⁴. Помимо подсолнечного делали масло из льна, сузы, немного из мака³⁵. Мак в основном сеяли китайцы, но они снимали с него только опий, остальное забирали крестьяне для изготовления масла³⁶. Коноплю использовали также для приготовления веревок, из льна ткали одежду, полога, *палатки* для хозяйственных нужд — зерно высыпать, солому накрыть и т.п.³⁷

Повсеместно хорошо развивалось огородничество. Выращивали картофель, капусту, свеклу, морковь, репу, редьку, лук, горький перец, огурцы и др. Чеснок вначале тоже не употребляли: китайская еда — грех³⁸.

Вначале при посадке овощей придерживались традиции, но отдавали должное и опыту, местным условиям, наблюдая за при-

родой и учитывая лунный календарь³⁹. Там, где был большой перепад температур и суровые зимы, делали под огородные культуры специальные *рассадники*, располагая их примерно в 50 см от земли. Обработывали огород вручную, тяпками.

Ягодники и сады появились в таежных деревнях не сразу. Первоначально пользовались исключительно таежными ягодами и плодами. Но постепенно появились посадки смородины, малины, сливы и даже яблони⁴⁰.

Скотоводство, сопутствующая земледелию отрасль хозяйства, развивалось повсеместно. Разводили лошадей, коров, волов, свиней, в меньшей степени — овец, так как не было условий для их разведения. Пастьба скота большей частью вольная, без пастухов, в покотинах. В каждой семье было по нескольку голов крупного рогатого скота, у зажиточных — до 15 коров⁴¹. Лошади главным образом двух пород — забайкальские и томские. У каждой породы были свои преимущества, появилось и смешанное потомство. Много сил у крестьян отнимала борьба с болезнями домашних животных: чумой, сибирской язвой и др.

Хорошие условия для развития скотоводства были на побережье Японского моря. Отсутствие гнуса и обилие кормовых трав в прибрежных районах давали возможность старообрядцам успешно развивать эту отрасль хозяйства. Часть своего скота они продавали на убой, для чего гоняли скот в центральные районы Южно-Уссурийского края или сдавали мясо на военные суда, которые специально заходили для пополнения провизии в прибрежные староверческие деревни⁴². Немалых успехов добились староверы и в коневодстве. У некоторых хозяев были довольно большие табуны с крупными, рослыми, кровными, в том числе карабахской и арабской породы, лошадьми⁴³.

При суровых и продолжительных зимах стойловое содержание скота составляло в большинстве деревень около семи месяцев, в связи, с чем накашивали много сена. Для этого нередко делали помочи⁴⁴. Сено было и предметом продажи, особенно на Ниманские золотые прииски, куда требовались десятки тысяч пудов сена⁴⁵.

В большинстве дальневосточных деревень сено начинали косить в июне-июле. Заготавливали по количеству скота. Если не было ежегодного передела покосов, как в некоторых волостях

Амурской области, то за покосом ухаживали и обустроивали. В таежных деревнях Южно-Уссурийского края специально раскидывали семена трав по покосу⁴⁶. Помимо сена для скота заготавливали овсяную и пшеничную солому, прикармливали также овсом, гречкой, рожью.

Повсеместно держали домашнюю птицу — кур, гусей, уток, некоторые — индюков⁴⁷.

Старообрядцы Приамурья для зимнего содержания скота не делали теплых хлевов⁴⁸. В Южно-Уссурийском крае хлева для телочек, бычков и недоенных коров утепляли снопами из ржаной соломы; дойных коров держали в теплых стайках⁴⁹.

Продукцию хлебопашества и скотоводства перерабатывали в домашних условиях. Коровье масло сбивали из сметаны на водяных мельницах. Были и специальные приспособления давить масло из подсолнечника, льна, конопли, мака⁵⁰.

Многие сельскохозяйственные работы, как уже говорилось, выполнялись с помощью помочей. Зажиточные крестьяне-старообрядцы также нанимали людей на прополку зерновых и огородных культур, уборку хлеба. На годовые, месячные работы предпочитали брать славян, чаще новоселов, а также своих обедневших односельчан. На прополке зерновых и огородных культур широко использовался женский и детский труд. Детям платили, безусловно, меньше, чем женщинам. У мужчин поденная плата была самая высокая; их обычно нанимали на косьбу.

У некоторых старообрядцев были постоянные работники как китайского или корейского, так и славянского происхождения. Славяне появлялись из числа новоселов или бродячих одиноких мужчин, так называемых «бузуев». Некоторые из них, приняв старообрядчество, женились на дочерях своих хозяев и даже принимали фамилию тестя⁵¹. Многие были неплохими умельцами, умели починить сани, хомуты, телеги, сшить сапоги⁵².

В своей хозяйственной деятельности старообрядцы старались использовать природные ресурсы, которыми располагал Дальний Восток. Они одними из первых занялись пчеловодством, причем параллельно довольно долго, даже в 1930-е гг., пользовались медом диких пчел. Обилие медоносных трав и цветущей липы создавали хорошие естественные условия для промышленного развития этой отрасли хозяйства. Они дополнялись возможнос-

тью медосбора с гречишных полей. Многие старообрядцы имели обширные пасеки, дававшие значительный доход.

Известный старовер-заимочник Фирсов из Томской волости Амурской области привез пчел в 80-е гг. XIX в. из Томской губернии и уже в начале 1890-х гг. имел 45 колод-дуплянок⁵³. Впоследствии старообрядцы стали делать и рамочные улья.

Значительное развитие получило пчеловодство в таежных районах Южно-Уссурийского края. Некоторые старообрядцы держали от 10 до 300 ульев и дуплянок, получая ежегодную прибыль по несколько тысяч рублей⁵⁴. Иные жили исключительно за счет дохода, полученного от пчеловодства⁵⁵. В начале XX в. старообрядцы Южно-Уссурийского края мед и воск продавали в г. Благовещенске и за пределами дальневосточного региона — возили в Иркутск и Верхнеудинск, но чаще сбывали в пределах своего края, обычно монахам и торговцам на ярмарках и базарах в Никольске-Уссурийском, Спасске, а также фирме Кунст и Альберс в г. Владивостоке⁵⁶.

Хороший доход в домашний бюджет староверов приносила охота, которой они успешно занимались и в Приамурье и в Приморье. Говоря о староверах Амурской области, известный экономист А.А. Кауфман отмечал: «Ловят зверя разными ловушками, но главным образом охотятся с ружьем, причем в противоположность западносибирскому охотнику с его первобытной кремневкой амурский старовер вооружен в худшем случае берданой, а в лучшем — дорогим винчестером или вообще винтовкой какой-нибудь известной иностранной фирмы»⁵⁷.

Еще более богатая фауна была в тайге Южно-Уссурийского края. В таежных и прибрежных районах старообрядцы основной акцент в своей хозяйственной деятельности перенесли на развитие рыболовства, охоты и других таежных промыслов, справедливо полагая, что эти виды хозяйствования в данных природно-климатических условиях принесут больше выгоды. «Зачем нам добывать деньги из земли, — говорили староверы с побережья, — когда есть они на поверхности, стоит их не лентиться, только подбирать. Земледелие дает большие урожаи, река — рыбу весь год, охота — мясо постоянно, скотоводство — молоко, сыр, масло, пчелы — мед, соболь — лишнюю копейку на черный день...»⁵⁸. Соболь как раз и явился тем товаром, кото-

рый давал возможность старообрядцам быстро накопить определенные деньги. «Средство к жизни старообрядцев — соболевание всеми способами, — писал В.К. Арсеньев, — и китайским, и корейским, и гольдским в самых широких размерах»⁵⁹. Особенно удачливым считался традиционный способ добычи соболя, известный русским издавна: его нагоняли по снегу с собакой и убивали из ружья или ловили сеткой. Использовали и иные приемы соболевания, известные другим народам⁶⁰.

Южно-Уссурийском крае население большинства таежных деревень и заимок занималось охотой не только на соболя, но и на других пушных и копытных зверей (лосей, изюбрей, косуль, медведя, рысь, енота, колонка, лисиц, тигра и др.), а также на боровую (глухари, рябчики, фазаны) и водоплавающую (гуси, утки) птицу. И если дикое мясо добывали чаще для собственного употребления, то пушнину — на продажу. «За сезон промысла — 2–2,5 месяца, — писал в начале XX в. В.И. Рубинский, — один промышленник убивал от 500 до 600 белок, от 1 до 8 соболей, чаще 300–400 белок, 4–5 соболей»⁶¹. Он же сообщил, что в 1905 г. 11 охотников-староверов и один абориген «...добыли 70 соболей на сумму 2800 руб.»⁶².

Охота, безусловно, давала старообрядцам наибольший промысловый доход. Ею занимались практически все староверческие семьи. В 1910 г. официальные доходы от охоты в старообрядческих деревнях Южно-Уссурийского края составили от 3167 р. до 6044 р.⁶³ Думается, что номинальные доходы в те годы были выше, ибо часть добываемого просто обменивалась чаще всего на охотничьи припасы (порох, патроны, ружья), а также на некоторые обиходные товары (ткани, обувь и др.). В конце XIX – начале XX в. староверы охотились с ружьями, капканами и другими ловчими приспособлениями, с собаками или без них. Колонков ловили *кулемками и самоловами*⁶⁴, зайцев — петлями, лис некоторые травили стрихнином. В зимнее время уходили в тайгу обычно на один-два месяца⁶⁵.

В тайге у каждого охотника было зимовье, свои охотничьи угодья, на которые, по неписаным правилам, другие охотники не могли претендовать. На охоту уходили на длинных или широких лыжах, обшитых камусом (шкура, снятая с ноги лося. — Ю. А.), чаще с одной палкой. Камус прикрепляли клеем, приготовлен-

ным по рецептам аборигенных народов из вываренных голов и кожи рыбы⁶⁶.

Помимо пушного промысла хороший доход старообрядцы имели с охоты на изюбря или пятнистого оленя во время *пантовки*. Это период с марта по май-июнь, когда у животных вырастают новые рога. Налитые кровью, еще не успевшие окостенеть, они, по канонам восточной медицины обладали значительными целебными свойствами. Первоначально старообрядцы только добывали рога, убивая при этом животных. Рога — их в этот период называли *пантами* — с успехом сбывали, за определенное вознаграждение китайцам и корейцам. Затем научились готовить из них лекарственное сырье, что оказалось довольно хлопотным делом. Позднее стали его и употреблять.

Параллельно с промыслами старообрядцы в конце XIX в. первыми в Южно-Уссурийском крае стали приручать диких оленей или изюбрей — устраивали для них специальные загоны, заготавливали корма и весной спиливали у оленей рога молочной зрелости (мягкие). Этот промысел был выгоден: например, в 1899 г. цена достигала до 600 р. за пару рогов⁶⁷. По всей видимости, старообрядцы здесь шли проторенным путем: по свидетельству информаторов, известны случаи приручения старообрядцами оленей еще на Алтае⁶⁸. Оттуда, скорее всего, и был занесен этот опыт.

Некоторые выходцы с Алтая, весной, в марте, по насту, с собаками, стали загонять диких изюбрей в домашние хозяйственные постройки только на время — на период удаления рогов-пантов. Там изюбрей подкармливали специально для них заготовленным сеном и держали до лета. В июне им спиливали рога-панты и отпускали на волю⁶⁹. В результате и изюбри оставались, живы в теплое время года, когда мясо было трудно сохранить, а старообрядцы приобретали необходимое им сырье. Это был и элемент охраны природы, чему старообрядцы придавали немалое значение.

Хорошим подспорьем в хозяйстве было и рыболовство — на реках, озерах, в море. Ловили «красную» рыбу (симу, горбушу, кету, гольца, кунджу) и белорыбицу (ленка, хариуса, красноперку, форель, щуку, карася и др.). На реках, впадающих в море, рыбу ловили практически круглый год. Особенно много рыбы

вылавливали при помощи неводов подо льдом, в устье рек. Так, по данным В.К. Арсеньева, в ноябре 1906 староверы с р. Амагу за один день вытащили неводом 1376 рыб кунджи⁷⁰. Немало было рыбы и в горных реках⁷¹.

Для некоторых староверческих семей побережья Японского моря рыболовство стало самостоятельной отраслью хозяйства и главной промысловой рыбой была сельдь⁷². Значительное развитие получил и морской промысел — сбор морской капусты, добыча рыбьего жира⁷³.

Помимо сетей и неводов использовали и другие — как традиционно русские, так и удэгейские, нанайские приемы добычи рыбы — самодельные ловушки (вентери, пленные из ивы «морды» и др.), а на очень быстрых речках с заломами — остроги.

Развиты были и другие промыслы, в частности сбор различных дикоросов — грибов, ягод, орехов, корня женьшеня и др. Добывать целебный корень женьшеня или *корневать*, старообрядцы научились у китайцев⁷⁴ и, как они, достигли в этом промысле большого искусства.

Из полезных растений собирали также дикий виноград, лимонник, актинидию («кишмыш»), черемшу. Пожилые старообрядцы из степной Самарской губернии первоначально отказывались употреблять в пищу черемшу⁷⁵ и длительное время не хотели признать полезность этого растения. Староверы, которые выросли в лесных районах Сибири и Урала сразу оценили полезные противочинготные свойства черемши и заготавливали ее впрок, солили в бочках⁷⁶. Добывали также орехи лещины (таежный фундук), кедровые шишки, из них — орехи⁷⁷.

Кедровых орехов в иные годы было очень много. В урожайный 1907 г., по свидетельству В.К. Арсеньева, в два дня двумя людьми было собрано 40 пудов кедровых орехов⁷⁸. Их использовали не только как лакомство, но и для приготовления кедрового масла.

Живя преимущественно за счет натурального хозяйства, некоторые товары старообрядцы приобретали за деньги, для чего продавали некоторую продукцию своих домохозяйств, но чаще всего предметы своих промыслов, прежде всего пушнину. Ее в дореволюционный период старообрядцы продавали китайцам, возили на ярмарки и базары в Хабаровск, Владивосток, Уссу-

рийск, Спасск, Сучан и в крупные села, выезжая туда в зимнее время целыми обозами по 10–15 саней. Для продажи, помимо пушнины, везли муку, мед, гречку, туши бычков и кабанов и др. На вырученные деньги приобретали ткань, соль, спички, керосин, обновы для жен, невесток и детей и др.⁷⁹

Нередко сбывали пушнину русским скупщикам. Последние ездили по деревням, привозили с собой ткани, соль, спички конфеты, мыло, керосин⁸⁰. Некоторые староверы сами выступали в роли скупщиков и перепродавали пушнину во Владивостоке и Хабаровске по более высокой цене⁸¹. Так, в 1906 г. старообрядец Леонтий Бортников, живший на р. Амгу, впадающей в Японское море, собрал у аборигенов-охотников соболей на 4000 р., а в городе продал их за 7000 р.⁸²

Из некоторых деревень добираться на базары и ярмарки было очень тяжело, дорожная сеть была очень слабой. Постоянное транспортное сообщение вдоль побережья Японского моря вообще не было налажено, что сдерживало развитие экономики старообрядцев. Делая запасы необходимых товаров на год, некоторые жители прибрежных староверческих деревень нанимали целый пароход, ездили для закупок в Японию или делали там заказы через японцев-посредников. Это было гораздо выгоднее, чем везти товар из Владивостока⁸³.

У большинства старообрядцев было бережное отношение к природе, что позволяло сохранять экономические ресурсы тайги. Брали от нее по потребности, «... брали только поесть»⁸⁴; весной чистили близлежащие реки, старались ничего в реку не бросать⁸⁵.

Таким образом, этнические стереотипы, природные и социальные условия Дальнего Востока во многом обусловили степень приспособляемости старообрядцев к новым местам и развитие экономики крестьянских хозяйств. И хотя хлебопашество и скотоводство остались у большинства староверов основой хозяйственной деятельности, они претерпели определенные изменения в структуре и сроках земледельческого календаря. Там же, где земледельческие занятия пришлось сократить до минимума или вовсе оставить, жизнеобеспечение достигалось путем обращения к различным промыслам, базировавшимся на речных, морских и таежных угодьях.

Адаптация старообрядцев к новому региону проходила в сложных природно-климатических, социально-экономических и демографических условиях. И все же богатая природная среда в сочетании с энергией, хваткой, трудолюбием, упорством, практичностью, приобретенными навыками позволила староверам в короткий срок создать крепкие хозяйства и внести существенный вклад в освоение края. Это послужило основой для возникновения здесь в дальнейшем постоянного сельского населения, так необходимого для успешного экономического развития дальневосточного региона.

Примечания

¹ Аргудяева Ю.В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX–начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне. Владивосток, 2006. С. 39–50.

² Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913. С. 116; Лобанов В.Ф. В поисках Беловодья: Старообрядцы в Приамурье (вторая половина XIX века) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1995. № 1 (4–5). С. 139.

³ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 704, оп. 4, д. 695, л. 3.

⁴ Аргудяева Ю.В. Проблемы этнической истории восточных славян Приморья и Приамурья // Славяне на Дальнем Востоке: пробл. истории и культуры: докл. и сообщ. науч. конф. 7–8 окт. 1993 г. Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинск, 1994. С. 23.

⁵ Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1973. С. 5.

⁶ Обзор земледельческой колонизации Амурской области. С. 126.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX в. (Очерки истории). Владивосток, 1991. С. 49.

⁹ Рукописный фонд автора (далее — РФА). Информация И.А. Сотникова, 1914 г. рожд., пос. Кавалерово Приморского края.

¹⁰ Архив Общества изучения Амурского края (Архив ОИАК). Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 8, л. 24 об., 26 об.

¹¹ Липинская В.А. Займки Западной Сибири конца XIX в. как сезонные поселения // Хозяйство и быт западно-сибирского крестьянства XVII–начала XX в. М., 1979. С. 147.

¹² Кауфман А.А. По новым местам: Очерки и путевые заметки. 1901–1903. СПб, 1905. С. 58–61; РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1379, л. 233; оп. 5, д. 1497, л. 16 об.; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. и-210, оп. 1, д. 1, л. 70–73; Российский государственный исторический

архив (РГИА). Ф.1290, оп. 11, д. 1897, лл. 246–255об., 258, 261–263, 265, 311; д. 1899, лл. 819, 833, 863; Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Иностранцы. Желтые. Перепись населения 1–20 июня 1915 г. Владивосток, 1915. С.44.

¹³ Кауфман А.А. По новым местам... С. 142.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 704, оп. 1, д. 141, л.48об–53.

¹⁵ Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. СПб., 1894. С. 471–473.

¹⁶ Приамурские ведомости. 1897. № 160. С. 16.

¹⁷ Лобанов В.Ф. В поисках Беловодья... С. 143.

¹⁸ РФА. Информация С.Г. Масалова, 1918 г. рожд., пос. Кавалерово Приморского края.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ РФА. Информация Ф.А. Басаргина, 1911 г. рожд., пос. Кавалерово Приморского края.

²⁴ РФА. Информация С.Г. Масалова.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ РФА. Информация Е.П. Санниковой, 1913 г. рожд., пос. Кавалерово Приморского края.

²⁹ Крюков Н. Сельское хозяйство в Амурской области. Б.м., б.г. С. 25, 30–32.

³⁰ РФА. Информация С.Г. Масалова.

³¹ РФА. Информация Ф.А. Басаргина.

³² Там же.

³³ РФА. Информация А.Д.Проценко, 1928 г. рожд., пос. Кавалерово Приморского края.

³⁴ РФА. Информация С.Г. Масалова.

³⁵ РФА. Информация Ф.А. Басаргина.

³⁶ РФА. Информация С.Г. Масалова.

³⁷ РФА. Информация А.Я. Селедкова.

³⁸ РФА. Информация Ф.С. Малахова.

³⁹ РФА. Информация С.Г. Масалова

⁴⁰ РФА. Информация Е.П. Санниковой.

⁴¹ РФА. Информация А.Е. Григорьевой, 1915 г. рожд., пос. Кавалерово Приморского края.

⁴² Аргудяева Ю.В. Хозяйственная адаптация русских крестьян к условиям жизни в восточных регионах России // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 25.

⁴³ Аргудяева Ю.В. Сведения о хозяйственной деятельности старообрядцев в дневниках В.К. Арсеньева // Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие: матер. Междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения В.К. Арсеньева. Владивосток, 1997. С. 29.

⁴⁴ РФА. Информация Ф.А. Басаргина.

⁴⁵ Приамурские ведомости. 1897. № 160. С. 17.

⁴⁶ РФА. Информация С.Г. Масалова.

⁴⁷ РФА. Информация Ф.С. Малахова.

⁴⁸ Приамурские ведомости. 1897. № 160. С. 17.

⁴⁹ РФА. Информация Ф.С. Малахова.

⁵⁰ РФА. Информация Ф.А. Басаргина, А.Я. Селедкова.

⁵¹ РФА. Информация Е.С. Юренок, 1930 г. рожд., пос. Нижние Лужки Чугуевского р-на Приморского края.

⁵² РФА. Информация Ф.А. Басаргина.

⁵³ Крюков Н. Сельское хозяйство в Амурской области... С. 46.

⁵⁴ РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1379, л. 225–226; ф. 702, оп. 5, д. 235, л. 3–4; Меньщиков А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Саратов, 1911. Т. 2. С. 85, 92.

⁵⁵ РФА. Информация С.Г. Масалова.

⁵⁶ Меньщиков А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Саратов, 1912. Т. 4. С. 342, 350, 362.

⁵⁷ Кауфман А.А. По Амуру и Приамурью // Мир божий. СПб, 1902. № 6. С. 101.

⁵⁸ Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 7, л. 90 об.

⁵⁹ Там же, д. 6, л. 31 об.

⁶⁰ Аргудяева Ю.В. Хозяйственная адаптация русских крестьян... С. 26.

⁶¹ Рубинский В.И. Соболиный промысел на Дальнем Востоке // Тр. Амурской экспедиции. Вып. 13. СПб., 1911. С. 37.

⁶² Там же. С. 40.

⁶³ Меньщиков А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств... Т. 2. С. 319, 325, 331.

⁶⁴ РФА. Информация А.А. Лапика.

⁶⁵ РФА. Информация И.А. Сотникова.

⁶⁶ Аргудяева Ю.В. Проблемы этнической истории и семейного быта старообрядцев... С. 58.

⁶⁷ Михайлов Г.П. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сиб. вопросы. 1905. № 1. С. 257.

⁶⁸ РФА. Информация Ф.А. Басаргина.

⁶⁹ РФА. Информация Н.У. Басаргина, 1932 г. рожд., пос. Кавалеро-во Приморского края; Ф.А. Басаргина; А.А. Лапика; П.П. Сотникова; А.П. Сотниковой

⁷⁰ Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 7, л. 58 об.

⁷¹ РФА. Информация П.П. Сотникова и А.П. Сотниковой; А.А. Лапика; Ф.С. Малахова; И.Т. Андрейчук, 1916 г. рожд., пос. Кавалерово Приморского края.

⁷² Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. Хабаровск, 1901. С. 148.

⁷³ Аргудяева Ю.В. Сведения о хозяйственной деятельности старообрядцев... С. 29.

⁷⁴ РФА. Информация Е.В. Макуриной.

⁷⁵ РФА. Информация Ф.М. Нагорнова.

⁷⁶ РФА. Информация С.Г. Масалова.

⁷⁷ РФА. Информация П.П. Сотникова.

⁷⁸ Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 8, л. 50.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ РФА. Информация С.Г. Масалова.

⁸¹ РФА. Информация А.А. Лапика, 1923 г. рожд., пос. Кавалерово Кавалеровского р-на Приморского края.

⁸² Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 6, л. 37; Арсеньев В.К. За соболями. Скупщики пушнины на Дальнем Востоке. Владивосток, 1925. С. 12.

⁸³ Аргудяева Ю.В. Хозяйственная адаптация русских крестьян... С. 27.

⁸⁴ РФА. Информация С.Г. Масалова.

⁸⁵ РФА. Информация А.Д. Проценко.